

Николай АЛЕШКОВ

Вдоль тропинок,
что в детстве пройдены, —
то ромашки, то васильки.
От душистых кустов смородины
босиком бегу до реки.

Светом солнечным полдень полнится.
От макушки до пят — загар.
Безмятежное детство помнится,
как судьбы драгоценный дар...

Улетали в края далёкие:
рѣв моторов да стук колѣс.
Кареглазые, синеокие,
мы вернёмся!.. А поезд нѣс.

Возвращались, крапивой жгучею
обжигаясь на всѣм пути.
Только дважды в реку текучую
никому не дано войти.

Плачь — не плачь, а дорога пройдена:
где ромашки, где васильки?
Как прекрасна ты, наша родина!
Жаль, что мы у тебя дураки...

Родословная

«В лесах зверьё, а в реках рыба.
Богат мой край — и ешь, и пей!
Пойдѣм со мною, не улыба.
жить вместе будет веселей.
Не видишь разве — ты мне люба.
Уйду, коль я тебе не мил...»
Мой дальний предок не был грубым,
слова медовые дарил.
«Цыганка ты или татарка,
поверь — мне это всё равно».
И целовались двое жарко
в былых веках. Давным-давно...

Ради музыки, слышной не всем...

Стихи из книги избранной лирики «Дальние луга»

Алешковы — русоволосы.
У Пашенковых кудри — смоль.
Каких кровей они? Вопросы
задать столетиям изволь.
Вот мой отец двадцатилетний
на снимке — чистый славянин.
А в маме тюркское заметней.
В большой семье я — третий сын.
Храню их свадебное фото.
Ценней его наследства нет.
Красивы оба. Жить охота.
И до войны — аж восемь лет.
Отцовский дом... Сажу на камне
у речки, названной Челной.
Разноязыкое Прикамье,
где жизнь прошла, — мой край родной.
Я сам себе слуга и барин.
Я не чуваш и не мордвин,
и не удмурт, и не татарин,
но равный с ними гражданин.
Я на прищур прицельно-узкий,
не опускаю глаз, смотрю.
— Кто я такой? Конечно, русский.
Не видно разве, — говорю...

19 мая

И распахнутся двери —
в них сын, как ясный свет!
Я сам себе не верю:
Серёжке двадцать лет?
Шагну навстречу вѣснам
и сына обниму.
И Настя с криком: «Крёстный!»
уже бежит к нему.
Родню лучистым взглядом
окинет наш орёл
И с мамой Катей рядом
усядется за стол.
Букет сирени майской —
уже в её руках.
И благодатью райской
повеет сразу — ах!
Гуляет честь по чести
семья в конце весны,
коль день рожденья вместе
у сына и жены.
И спрашивать не надо,
где я кафе сниму —
гуляй, моя отрада,

в высоком терему!
Стоит, как на картинке
(играет солнце в нём),
на берегу Челнинки
наш деревянный дом.
Вприсядку гости ловко
запляшут — ух, держись!
Благослови, Орловка,
мою семью на жизнь!
Гармошка с переливом
волнует кровь, звеня.
Запомните счастливым,
пожалуйста, меня!

Приснилась осенью весна,
приснилась Пасха.
В далёком детстве тишина
сиренью пахла.
Что ж, та весёлая пора
теперь у внучки.
А мне за пенсией пора —
целую ручки!
Я чаще грусть теперь терплю —
удел поэта —
и осень всё-таки люблю,
и бабье лето.
Но верю: вновь придѣт весна.
И внучка ахнет:
— Дед! За калиткой тишина
сиренью пахнет...

Весны трепещет знамя,
волнует вновь умы...
А дети что-то знают,
чего не знаем мы.
Они к первопричине
тайственно близки,
как почки на рябине, —
ни грусти, ни тоски...
Мы вровень с ними встанем,
когда и ты, и я
окажемся на грани
иного бытия.
Бог даст иные веси,
иную круговерть.
И всё уравнивает
рождение и смерть.

Всюду и всегда

Трещина в асфальте,
сквозь неё — трава...
Душу не печальте —
всюду жизнь права.
Голубем беспечным
вырвется из рук.
Я умру, конечно, —
подрастает внук.
И Земля с орбиты,
говорят, сойдѣт,
но в ветвях ракиты
соловей поѣт.
И погаснет Солнце
через тыщи лет,
но в родном оконце —
негасимый свет.
Душу не печальте —
жизнь всегда права!
Трещина в асфальте,
сквозь неё — трава...

Ради музыки

Я забыл твои длинные ноги...
Где, когда, на моём ли веку
возникли они на пороге
и манили к себе, к тайнику?
Будто сон, обернувшийся былью
от семейных и прочих оков —
эти ноги, как белые крылья,
поднимавшие до облаков.
Я забыл...

В чьей-то съёмной квартире
наша сводня — взаимная страсть —
счастье, столь невозможное в мире,
у других позволяла украсть.
Я не помню — вином или ядом
угощались с тобою тогда?
Мы другие... Мы всё ещё рядом,
хоть расстались уже навсегда.
Мы уйдѣм в никуда по дороге
от напрасных за счастьем погонь.
Я забыл твои длинные ноги.
Прикоснусь — и не вспыхнет огонь.
До свидания! Встретимся в восемь.
На концерте. Нет, кажется, в семь...
Ради песен, печальных, как осень...
Ради музыки, слышной не всем...

Нино Чавчавадзе

Милой, изящной была и простой,
грудь украшали нежные лозы,
дерзких парней вызываю на бой,
чтоб не бросали в окно твоѣ розы.

В руки беру я серебряный меч,
возраст не в счёт — на глазах молодею.
Их ухищренья сумею пресечь,
может, душою твоей завладею.

Ты бы и ныне могла озарить
домик поэта под пальмою юга.
Пусть не устанут вокруг говорить,
что у поэта — такая подруга.

В скачках с любым состязаться готов,
я и лезгин обыграю в Гунибе.
«Ну, времена...» Перемена веков.
Женщина в нимбе. Поэт на отшибе.

Видному грузинскому поэту и эссеисту, доктору филологических наук, профессору, лауреату
Государственной премии Грузии Шоте ЗОИДЗЕ - 75 лет. От всей души поздравляем с юбилеем!

Называюсь твоим поэтом...

Здесь вот Манана, а там Маико,
все они рядом — и Григол, и Тато.
Но не узнаешь ты, как глубоко
душу люблю твою, как виновато.

Милой, изящной была и простой,
грудь украшали нежные лозы,
дерзких парней вызываю на бой,
чтоб не бросали в окно твоѣ розы.

Отец

У отца на свете равных нет.
Он домой вернѣтся после боя
полководцем в зареве побед.
Рядовой, его встречаю стоя.

Из Европы дальней возвратясь,
понимал, какою лямку тянем.
Он, отец, — грузинский славный князь,
он, отец, —
грузинский мой крестьянин.

Крепость жизни строит он с утра,
ночью улыбается созвездьям.

Всяческая тля и мошкара —
твёрд отец — покарана возмездьем.

Обожает лозы до слезы,
словно лозы — море, чаек, пену.
Как сухую ветку от лозы,
отсечѣт от Грузии измену.

Цену хлеба знает лучше нас,
но за хлеб не променяет совесть.
Каждый день его и каждый час —
родины моей живая повесть.

Подвигу сродни отцовский труд,
правду защищает он в сраженьях,
Барсы из лесов к нему идут
каждой ночью в вещих сновиденьях!

Принимает груз чужих обид,
в дом заходит — прибавляем в росте,
тѣмный лес приветливо шумит,
виноградные сияют гроздьи.

У отца в застолье вкус иной,
чем у всех, а если скажет слово,
станет нам теплее и зимой
от грузинской речи родниковой.

У отца на свете равных нет.
Он домой вернѣтся после боя
полководцем в зареве побед.
Рядовой, его я встречу стоя.

Время

Время — плач, но свирепей, чем надо.
Разнонаправленно катится время.
Рушит великих империй громады,
правит царями, владычит над всеми.

Им назначают, неба во имя,
боги, вожди, августейшие лица.
Время ценили в Афинах и Риме,
но не успели в него уложиться.

Вот времена наступают иные.
Время в научную эру — машина.
Вижу о времени чудные сны я.
Есть для бессмертья резон и причина.
В сроки и строки, над коими бьюсь,
всѣ-таки не уложиться боюсь.

Перевод Натальи Арешинной
и Ильи Фаликова